

Бурцева Елена Анатольевна, Маврина Дарья Игоревна, Гарифуллина Назифа Фоатовна
**ПРОБЛЕМА ЛЮБВИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВА В КОМЕДИИ А. С. ГРИБОЕДОВА "ГОРЕ ОТ УМА":
ОПЫТ НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ ОБРАЗА СОФЬИ ФАМУСОВОЙ**

В статье рассматривается образ главной героини комедии А. С. Грибоедова "Горе от ума" Софьи Фамусовой через призму психологического анализа, позволяющего более глубоко и объективно заглянуть в причинно-следственные связи её поступков. Авторы предпринимают попытку изменить традиционное представление о героине пьесы, обосновывая более сложный и многоаспектный подход к анализу драматического персонажа.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 13-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Зверев А. М. Уолт Уитмен // История всемирной литературы: в 9-ти т. / под ред. И. М. Фрадкина. М.: Наука, 1990. Т. 7. С. 291.
2. Луначарский А. В. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 5. 756 с.
3. Мендельсон М. Жизнь и творчество Уитмена. М.: Наука, 1969. 350 с.
4. Толстой Л. Н. О литературе. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 764 с.
5. Уитмен У. Избранное / пер. с англ. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. 308 с.
6. Чуковский К. Мой Уитмен. М.: Прогресс, 1966. 272 с.

INNOVATIVE NATURE OF W. WHITMAN'S LYRICS

Bidzhieva Zarema Soltan-Muratovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Karachay-Circassian State University named after U. D. Aliyev
z.s-m@mail.ru

The article examines innovative nature of lyrics by the American poet of Romanticism epoch W. Whitman, who enriched the language of American literature introducing in it the common colloquial vocabulary and contributed to the adoption of realistic motives in the American poetry addressing abolitionism problem. The research subject is of undoubted scientific interest since its choice is motivated by the insufficient study of the creative work of the poet – humanist, founder of the modern American poetry, whose creative world perception represents the challenges of the whole epoch in the American poetry development.

Key words and phrases: Romanticism; subject; problem; motive; image; lyrical hero; transcendentalism; metaphor; epithet; abolitionism.

УДК 82

В статье рассматривается образ главной героини комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» Софьи Фамусовой через призму психологического анализа, позволяющего более глубоко и объективно заглянуть в причинно-следственные связи её поступков. Авторы предпринимают попытку изменить традиционное представление о героине пьесы, обосновывая более сложный и многоаспектный подход к анализу драматического персонажа.

Ключевые слова и фразы: драматическое произведение; монолог; А. С. Грибоедов; психологизм; интерпретация.

Бурцева Елена Анатольевна, к. филол. н., доцент

Маврина Дарья Игоревна

Гарифуллина Назифа Фоатовна

Башкирский государственный университет (филиал) в г. Бирске

elena-burceva@mail.ru

**ПРОБЛЕМА ЛЮБВИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВА В КОМЕДИИ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»:
ОПЫТ НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ ОБРАЗА СОФЬИ ФАМУСОВОЙ**

Страстный театрал, Александр Сергеевич Грибоедов жаждал увидеть свою пьесу «Горе от ума» на театральных подмостках. По собственному признанию, ради этого он даже «портил» [6, с. 211] первые редакции своего детища в угоду театральным требованиям и театральной моде, которую очень хорошо знал. Но, как стало ясно уже в 1824 году, со времени приезда Грибоедова с окончательной редакцией пьесы в Петербург, где автор читал ее в литературных салонах своих знакомых, путь в театр его пьесе, в которой слишком ясно прослеживалась так называемая «злоба дня», был закрыт. Устные положительные оценки, которые давались литературными приятелями автора, ясно показывали, что до полного понимания замысла очень далеко, тем более что рядом с одобрением слышались и явные язвительные замечания околосредоточенной публики. Тем сильнее Грибоедов ждал печатной литературной критики, очередь которой наступила, когда другу автора Фадею Булгарину наконец-то удалось в своем альманахе «Русская Талия» за 1825 год опубликовать несколько сцен комедии. Появились печатные отзывы Н. А. Полевого, Н. И. Греча, А. А. Бестужева, О. А. Сомова, В. Ф. Одоевского. Но удовлетворили ли они Грибоедова? Дошел ли до него устный отзыв А. С. Пушкина, смягченный в письме к А. А. Бестужеву в январе 1825 года, в котором Пушкин оправдывает свои замечания тем, что «слушал Чацкого, но только один раз, и не с тем вниманием, коего он достоин» [4, с. 133]? В любом случае, даже в положительных оценках сквозило явное пренебрежение одним из ключевых персонажей пьесы – Софьей Фамусовой. Тот же Пушкин в том же самом письме по отношению к ней был резок: «Софья начертана не ясно: не то <>, не то московская кузина» [Там же, с. 134]. И если, в конце концов, образ Чацкого то превозносился, то низвергался литературной и театральной критикой в зависимости от конъюнктуры времени и степени таланта исполнителя роли, то Софье повезло меньше. Этот образ почти не анализировался

в контексте пьесы. Ее не просто не заметили. Ее признали малодостойной последовательного и вдумчивого анализа, назвав виновной по отношению к Чацкому. Даже в гениальном критическом этюде И. А. Гончарова «Миллион терзаний» можно увидеть лишь констатацию ее действий: «он терпит от нее одни холодности», «она уже с скрытой злостью спрашивает его», «ложь в ее поступках» – и как вывод: «она и послужила мотивом, поводом к раздражениям, к тому “миллиону терзаний”, под влиянием которых он только и мог сыграть указанную ему Грибоедовым роль» [3, с. 135].

Но почему Софья так себя повела? Есть ли какие-то причины, оправдывающие ее поведение и ее поступки? В своей пьесе Грибоедов затрагивает массу проблем, касается множества актуальных для своего времени тем – ума, воспитания, образования, социальных взаимоотношений. Но затрагивает ли он проблему женской любви? Попробуем ответить на эти вопросы, взглянув на образ Софьи по-новому.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, каким именем назвал Грибоедов свою героиню. Говорящие фамилии героев пьесы – это не только дань театральной традиции классицизма, но и один из способов более четкого выделения основных черт персонажей, явный намек на суть того или иного характера. Трактовки всех фамилий прозрачны и почти не вызывают полемики: Молчалин – молчащее сердце, совесть и даже ум, Фамусов – молва, сплетня, служение во имя «доброего имени» во мнении вышестоящих и власть имущих, Чацкий – чад, П. Я. Чаадаев – гениальное прозрение Грибоедова о судьбе возможного прототипа героя. И только Софья в этом понятном ряду занимает непонятное место.

София – с др.-греч. *σοφία* – мудрость, разумность, наука [5, с. 345]. Но разве Софья мудра? Разумна ли она? Не насмешка ли – называть этим именем героиню, которая, кажется, вовсе умом не блещет, да и вызывает однозначно отрицательную реакцию у всех, кто сочувствует главному герою? Для того чтобы ответить на все эти вопросы, нужно раздвинуть границы текста, выйти за текстовые рамки, интерпретируя и то, что может читаться между строк. На момент возвращения Чацкого в дом Фамусова Софье семнадцать лет. Трудно в это поверить, ведь ведет себя, говорит Софья вовсе не как юная девушка, которую языком современной психологии можно назвать «подростком». Семнадцатилетняя Софья – юная девушка на выданье, но у нее за плечами достаточно серьезная интрига с Молчалиным, которого она разумно и удобно для себя полюбила. Но, пожалуй, важнее не это. Важнее то, что «за плечами» у Софьи есть и еще одна любовь. К Чацкому. «Между строк» в пьесе вырисовывается история того, что Чацкий, выросший в доме Фамусова, был очень дружен с Софьей. Его уверенность по прибытии в Москву в ее любви дает нам понять, что тогда, когда Москву Чацкий покидал, Софья любила его. Вот только со времени отъезда Чацкого из Москвы прошло три года. Получается, что когда Софье было четырнадцать лет, она любила Чацкого.

Любовь четырнадцатилетней девушки. Какой она могла бы быть? Мы не знаем. С полной уверенностью можно утверждать только то, что эта любовь была первой. И какой может быть первая любовь, предположить не сложно. Психологические особенности этого возрастного периода современной наукой хорошо изучены. Писатели прошлого, в том числе и Грибоедов, интуитивно могли угадать то, что современные ученые исследовали и описали в своих работах, в одной из которых четырнадцатилетним подросткам дается такая психологическая характеристика: «В четырнадцать лет центр внимания переносится в окружающий мир – интраверсия сменяется экстраверсией. Допускают, что это связано с завершением полового созревания. В этот период подросток экспансивен, энергичен, общителен, уверен в себе. Одновременно у него растет интерес к другим людям и их внутреннему миру и появляется склонность сравнивать себя с другими. Особенно быстро развиваются мыслительные операции, поэтому подросток приписывает безграничные возможности своему мышлению, способному, по его мнению, преобразовать окружающую жизнь. Постепенно фаза философской интоксикации проходит, и он превращается из абстрактного реформатора в активного члена общества» [1, с. 39]. Так какой же могла быть любовь четырнадцатилетней девушки? Эта любовь вполне могла быть того же характера, что и любовь шекспировской Джульетты, которой почти четырнадцать. Мгновенно, почти с первого взгляда Джульетта полюбила Ромео и отдалась ему полностью, без остатка, вопреки вражде семей, вопреки всем тем опасностям, которые грозили влюбленным. И умирает Джульетта так же самоотверженно, как и полюбила. Возможно, эта самоотверженность была подпитана взаимностью, в которой она была абсолютно убеждена. Но как они похожи, эти две девочки, как почти всякие девочки их возраста, – экспансивностью, энергичностью, интересом к миру других людей, склонностью к рефлексии, верой в свои безграничные возможности, в том числе и в любви. И как они НЕ похожи, потому что одна из них становится символом самой прекрасной на свете, хотя и трагически закончившейся, первой любви, а вторая – почти символом ограниченной молодой особы, не понявшей, отвергнувшей неординарную, влюбленную в нее личность.

Но ведь начиналось все очень похоже, и Чацкий, вполне возможно, отвечал влюбленной в него четырнадцатилетней Софье взаимностью. Во всяком случае, возвращается в Москву он именно к ней: «Чуть свет – уж на ногах! И я у ваших ног» [2, с. 37]. Что произошло с этой любовью, почему спустя три года Софья так изменилась к нему? Почему по отношению к Чацкому она так холодна? К такому отношению может привести и приводит только целая сумма причин. И если разбираться в причинах прохладного отношения и даже, в какой-то мере – ненависти Софьи, то здесь стоит обратить внимание на те стадии любви к Чацкому, которые она пережила.

Первая стадия – любовь. Страстная, пылкая, большая, настоящая – это уже не важно, потому что подробности того, какое это было чувство, мы не знаем. Очевидно только одно – эта была первая любовь, что уже само по себе значит очень многое. Вторая стадия наступила в то время, когда Чацкий покинул Москву, и более того, он не писал Софье, и она узнавала о нем только из тех вестей, которые о нем приходили со стороны. Можно с уверенностью сказать, что в этот период она испытала тоску. Она скучала по человеку, которого любила,

и, конечно, тревожилась за него. Третья стадия вполне очевидно наступила в тот момент, когда тоска сменилась обидой, непониманием того, почему с нею так поступили – фактически, бросили. Ведь Софья по-прежнему узнавала о любимом человеке, пытающемся сделать карьеру в Петербурге, только из тех слухов, которые приходили в Москву. Четвертая стадия связана с тем, что романтическая любовь Софьи окончательно уступила место боли и обиде, и пришло время решиться на то, что народная мудрость называет «клин клином вышибают». Отголоски этой боли и этой обиды еще будут слышны в ее горестной реплике «Ах! если любит кто кого, / Зачем ума искать и ездить так далеко?» [Там же, с. 36]. И она направила всю энергию своей нерастроченной любви на того, кто всегда рядом, не видя и не понимая, как он мелок и ничтожен в сравнении с ее чувством. Молчалин Софье «удобен» именно потому, что он, в отличие от Чацкого, не уедет, бросив все и оставив ее одну. Романтическая любовь Софьи превратилась в любовь несчастную, и это заставило ее поступить так, как, наверное, поступают только люди очень сильные – она избавилась от нее, чтобы больше не страдать.

Но с появлением Чацкого в их доме, тем более после того, как Софья в одиночестве пережила и переборола свое чувство, ситуация с ее отношением к Чацкому меняется настолько кардинально, что теперь наступает та стадия, которую условно можно было бы назвать «ненависть». Только условно, потому что «ненависть» – это слишком экспрессивное определение, и действительно ли Софья испытывала его по отношению к Чацкому – сомнительно. Скорее всего, он ее просто раздражает, он ей мешает, ведь возвратиться к былым отношениям, полюбив другого, она не может.

Финальный монолог Чацкого полон упреков в адрес Софьи. В момент предательства Молчалина, когда она настолько унижена позором («себя я, стен стыжусь»), наконец, когда даже отец отказывает ей в малейшем сочувствии («Дочь, Софья Павловна! Срамница! / Бесстыдница! Где! С кем! Ни дать ни взять, она, / Как мать ее, покойница жена... Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми, / Подалее от этих хватов, / В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!» [Там же, с. 119]), Чацкий не скрывает своего негодования, которое вряд ли можно считать справедливым: «Зачем меня надеждой завлекли? / Зачем мне прямо не сказали, / Что все прошедшее вы обратили в смех?! / Что память даже вам постыла / Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех, / Которые во мне ни даль не охладил, / Ни развлечения, ни перемена мест. / Дышал и ими жил, был занят непрерывно! / Сказали бы, что вам внезапный мой приезд, / Мой вид, мои слова, поступки – все противно, / Я с вами тотчас бы сношения пресек... (Насмешливо) ...с вами я горжусь моим разрывом» [Там же, с. 121]. И он говорит все это той, которая на протяжении всех общих сцен множество раз открыто выражала Чацкому свое нежелание быть с ним («я не искала вас»), более того, она открыто признавалась ему в том, что влюблена в Молчалина («Я не старалась, Бог нас свел», «Чужих и вкривь, и в кось не рубит, – / Вот я за что его люблю» [Там же, с. 70-71] – именно на это признание Чацкий ответил мыслью «Шалит, она его не любит» [Там же, с. 71]). Преданная Молчалиным, униженная отцом, оскорбленная Чацким. И все это только за то, что в свои семнадцать лет она жаждала любви.

История любви Джульетты закончилась самоубийством, и уже столетия читатели, зрители, исследователи творчества Шекспира каждый на свой лад сожалеют об этом. Мы не знаем, чем закончилась история любви Софьи Фамусовой, и жаль, что даже не задумываемся об этом. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» не стала пьесой о великой любви, но ее, безусловно, можно назвать одной из первых пьес в русской драматургии, в которой показан один из самых драматичных женских образов в русской литературе.

Список литературы

1. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. Л., 1988. 489 с.
2. Грибоедов А. С. Избранное. М., 1978. 430 с.
3. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. 446 с.
4. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М., 1962. Т. 9. 494 с.
5. Суперанская А. В. Словарь русских личных имён. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
6. Фомичев С. А. Драматургия начала XIX в. Творчество А. С. Грибоедова. Комедия «Горе от ума» // История русской литературы: в 4-х т. / Академия наук СССР, Институт русской литературы. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980-1983. Т. 2. От сентиментализма к романтизму и реализму. С. 204-234.

PROBLEM OF LOVE AND TREASON IN THE COMEDY BY A. S. GRIBOYEDOV “Woe FROM WIT”: NEW INTERPRETATION OF SOFIA FAMUSOVA’S IMAGE

Burtseva Elena Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Mavrina Dar'ya Igorevna
Garifullina Nazifa Foatovna
Bashkir State University (Branch) in Birska
elena-burceva@mail.ru

The article examines the image of the main heroine of A. S. Griboyedov's comedy “Woe from Wit” Sofia Famusova through the prism of psychological analysis allowing deeper and more objective interpretation of the motives of heroine's actions. The authors try to change the traditional conception of this heroine arguing for more complicated and multi-aspect approach to analyzing dramatic personage.

Key words and phrases: dramatic piece; monologue; A. S. Griboyedov; psychology; interpretation.